Ведомость грехов

Алексей Попов

Алексей Попов

Ведомость грехов

«Автор»
2026

Попов А. В.

Ведомость грехов / А. В. Попов — «Автор», 2026

«Ведомость грехов» - это трагикомическая притча о том, что самое страшное зло творится не в подвалах инквизиции и не на полях сражений, а в тихих уездных городах, где люди умирают от скуки, страха и равнодушия.В город Мшаринск приезжает с ревизией Павел Иванович Тьмушкин - мелкий чиновник из Преисподней. Он привык к громким грехам и хитроумным искушениям. Но здесь он обнаруживает, что дьяволу давно нечего делать: люди сами, без всякой нечистой силы, губят свои души из-за страха, жадности и неумения любить. Местные бесы спились и играют в карты, а обыватели грешат по мелочи, даже не замечая этого.Отчаявшись выполнить план, Тьмушкин выбирает жертву - тихого бухгалтера Симеона, чтобы доказать, что даже в самом забитом человеке можно разжечь огонь разрушения. Но то, что происходит дальше, заставляет самого беса усомниться в смысле его работы и задать вопрос: а что, если человеку нужен не дьявол, а просто кто-то, кто скажет ему правду?

© Попов А. В., 2026
© Автор, 2026

Алексей Попов
Ведомость грехов

ВЕДОМОСТЬ ГРЕХОВ

Повесть

Пролог

Город назывался Мшаринск. Название это происходило вовсе не от какого-нибудь древнего князя, не от святого угодника и уж точно не от победоносной битвы, в честь которой иногда называют города, чтобы потомки помнили о славном прошлом. Нет. Мшаринск получил свое имя от слова «мшара» - так в этих гиблых краях называют топкое, поросшее чахлым мхом и кривым осинником болото. И, надо сказать, это было единственно верное, честное и исчерпывающее название для данного места. Потому что Мшаринск не стоял на высокой горе, откуда открывался бы вид на бескрайние дали; он не красовался на берегу полноводной реки, по которой ходили бы пароходы; он не славился ни шумными ярмарками, ни древними монастырями, ни целебными источниками. Мшаринск просто увязал. Он медленно, с чавканьем, погружался в окружающую его трясину - сначала физически, а потом, что гораздо страшнее, духовно.

Осень в Мшаринске была не золотой, как пишут в столичных чувствительных романах. Она не пахла антоновскими яблоками и не блистала багрянцем листвы. Осень здесь была бурой. Листья на редких деревьях не желтели, а сразу становились какими-то грязно-коричневыми, словно их окунули в глиняную жижу, и опадали, не успев подарить никому ни капли красоты. Небо над городом висело низко, серое, как мокрая дерюга, и казалось, что оно вот-вот зацепится за покосившиеся кресты местного кладбища, зацепится и порвется, выпустив на волю все те тучи, которые копились над уездом последние месяцы. Дождь в Мшаринске шел не струями, не ливнем, который смывает грязь и обновляет воздух. Нет, здесь шла мелкая, въедливая, бесконечная морось, от которой не спасали ни зонты, ни тулупы, ни казенные шинели. Она проникала за воротник, ложилась на лицо холодной испариной и создавала ощущение, что ты только что вышел из бани и сразу попал в погреб.

Грязь на главной - и единственной мощеной - улице была такая, что извозчики, проезжая, молились всем святым, известным и неизвестным, чтобы не сломать ось и не увязить колеса до самой ступицы. Пешеходы предпочитали ходить по деревянным настилам, проложенным вдоль домов. Но и эти настилы гнили с той же скоростью, с какой в этом городе разрушались надежды. Доски скрипели, прогибались, и когда по ним шел человек, они издавали звук, похожий на стон старого, больного животного. Впрочем, люди в Мшаринске к этому привыкли. Они вообще привыкли ко многому. Они привыкли к грязи, к серому небу, к скудной пище, к тому, что их дети умирают в младенчестве, а старики не доживают до пятидесяти. Они привыкли к тому, что жизнь - это не праздник, не подарок, а просто долгая, нудная обязанность, которую нужно выполнить до конца, не задавая лишних вопросов. Вопросы в Мшаринске не любили. Вопросы нарушали тишину.

Именно в этот город, в самый разгар слякотного октября, когда дороги окончательно превратились в реки грязи, а воздух стал тяжелым, как сырое сукно, и приехал Павел Иванович Тьмушкин.

Он прибыл не на почтовых, не в казенном экипаже с форейтором и колокольчиками под дугой, что сразу выдало бы в нем важную птицу. Нет, он приехал на обычной мужицкой телеге, груженной мешками с репой. Лошади, запряженные в казенный экипаж на почтовой станции, наотрез отказались лезть в мшаринскую грязь. Они храпели, вставали на дыбы и косили на людей дикими глазами. А Павел Иванович, человек хоть и адского происхождения, но в высшей степени практичный и не любивший лишнего шума, не стал спорить с животными. Он

просто пересел на попутную телегу, заплатил мужику медяк и всю дорогу трясся на мешках с репой, вдыхая кисловатый запах корнеплодов и разглядывая унылые пейзажи.

На нем был потертый форменный сюртук с медными пуговицами, на которых уже давно стерлись все гербы и остались только гладкие металлические кружки. На правом рукаве красовалось чернильное пятно - память о какой-то давней, до смерти надоевшей писанине, когда он в очередной раз заполнял бесконечные формуляры в своем ведомстве. Лицо его было бледным, скучающим и невероятно утомленным, как у столоначальника, который тридцать лет перекладывает бумаги из одной папки в другую и уже точно знает, что в конце его ждет не орден, не повышение, а только промозглая сырость казенной квартиры, геморрой и казенная же могила на казенном кладбище.

Павел Иванович вылез из телеги, аккуратно, чтобы не запачкать брюки, ступил на доски настила и поежился от холода. Промокшие сапоги сразу же почувствовали, как холод пробирается к костям. Он не был страшен. В нем не было ни рогов, ни копыт, ни огненного взгляда, ни серного запаха. Если бы вы встретили его в трактире или на почтовой станции, вы бы приняли его за мелкого чиновника из губернского правления, приехавшего с ревизией, или за обедневшего помещика, ищущего, у кого бы занять денег до следующего урожая. Но именно в этой обыденности и заключалась его служба. Высшее зло, как он давно усвоил, не любит театральных эффектов. Оно предпочитает серые сюртуки и чернильные пятна.

Павел Иванович Тьмушкин служил в Ведомстве. Не в том Ведомстве, где выдают паспорта, собирают налоги или следят за порядком, а в том, которое находится гораздо ниже, о котором не пишут в газетах, и которое в народе называют просто: «Тьмутаракань». Он был коллежским асессором преисподней. И сейчас он направлялся в Мшаринск с инспекцией.

В его потертом портфеле, который он прижимал к груди, как мать прижимает к груди младенца, лежала пухлая тетрадь - «Ведомость грехов». Ему было поручено проверить, как местные искусители справляются со своей работой. Последние отчеты, приходившие из Мшаринска в Тьмутаракань, были настолько скудными, настолько неинтересными, что в столице заподозрили неладное. Либо местные бесы окончательно спились и потеряли квалификацию, либо люди в этом городе стали настолько праведными, что впору было ставить их в пример столичным святым.

Павел Иванович знал, что и то, и другое - вранье. Праведников не бывает. Бывают только люди, которых еще не до конца разработали. Или люди, которые сами себя обманывают.

Он нанял извозчика - старого мужика с бородой, в которой застряли остатки вчерашней каши, - и приказал везти его в трактир. Мужик долго не мог понять, куда именно нужно ехать, потому что в Мшаринске было два трактира, но оба назывались «Приютом уставшего путника», и оба находились в таком состоянии, что уставший путник, переступив порог, мечтал лишь о том, чтобы умереть во сне и не видеть этой тоски.

Тьмушкин выбрал тот, что побольше. Он вошел внутрь, и его обдало привычным запахом кислой капусты, перегара, мокрой псины и еще чего-то неуловимого, что в простонародье называется «запахом нищеты». В воздухе висела сизая пелена табачного дыма, сквозь которую тускло светились сальные свечи. За стойкой храпела толстая баба, уронив голову на сложенные руки. В углу, за липким, залитым пивом столом, сидели трое.

Павел Иванович сразу понял, кто это. Он узнал их по особой тоске в глазах, по темной ауре, которая висела над ними, как облако. Это были местные бесы. Но в каком виде! Один - в рваном тулупе, с сизым носом и всклокоченной бородой, похожий на забулдыгу-сапожника, который пропивает последние инструменты. Второй - в образе тощей, злобной бабы с бегающими глазами и поджатыми губами, похожей на сплетницу, которая знает про всех всё, но ничего не говорит бесплатно. Третий - в виде толстого лавочника с сальной улыбкой, в жилете, который не сходился на огромном пузе.

Они играли в «дурака» на щелбаны. И, судя по красным лбам, игра шла уже давно и без особого азарта.

Тьмушкин подошел к ним, бросил на стол свое удостоверение - медную пластинку с выбитым на ней профилем, который при ближайшем рассмотрении оказывался не то козлом, не то человеком с рогами, - и сказал голосом, от которого даже сальные свечи замерли на месте, а муха, кружившая над столом, упала на пол и притворилась мертвой:

- Здравствуйте, коллеги. Я - коллежский асессор Тьмушкин. Прибыл с ревизией.

Сапожник поперхнулся щелбаном, сплетница побледнела, а лавочник уронил карты.

В этот момент в трактир, отряхивая снег с сапог - а снег в этот день уже пошел, смешиваясь с дождем и образуя грязное месиво, - вошел еще один человек. Это был городничий Мшаринска - Аристарх Флегонтович Сивухин.

Он пришел сюда не по службе, не с проверкой. Он пришел, чтобы выпить рюмку-другую после тяжелого дня, в течение которого ему пришлось разбирать жалобу купца на кузнеца, а кузнеца - на купца. Оба жаловались друг на друга, оба были пьяны, и оба требовали справедливости. А Сивухин хорошо знал, что справедливости в этом мире нет, есть только бумаги, взятки и необходимость сидеть на своем месте, чтобы не выгнали. Увидев незнакомого человека в форменном сюртуке, который разговаривает с местными пьяницами, Сивухин насторожился. Он привык, что все дела в городе решаются через него, и любой незнакомец вызывал у него подозрение.

А Павел Иванович Тьмушкин, глядя на городничего, уже открывал свою «Ведомость», чувствуя, как в нем просыпается нехорошее, сосущее под ложечкой чувство. Чувство, которое у людей называется совестью, а у бесов - профессиональной тоской. Он вдруг остро ощутил, что этот город, эта грязь, этот трактир и эти люди - все это уже было. И будет. И будет всегда. И от этого осознания ему захотелось выпить водки, хотя он, как бес, предпочитал более изысканные напитки.

Глава первая. Ревизия в трактире

Сцена, которая разыгралась в трактире «Приют уставшего путника», была настолько типичной для всей служебной деятельности Павла Ивановича, что он даже не испытал обычного в таких случаях раздражения. Он просто сел на скрипучий стул, потребовал у проснувшейся бабы-стряпухи чаю (который на поверку оказался мутной бурдой с запахом веника и прошлогоднего сена), и уставился на трех местных чертей тяжелым, немигающим взглядом.

В трактире стало тихо. Так тихо, что было слышно, как за окном моросит дождь и как под настилом, у самого фундамента, журчит вода.

- Итак, - сказал Тьмушкин, открывая свою тетрадь и доставая из кармана огрызок карандаша, который он сгрыз до половины в приступе меланхолии. - Доложите обстановку. Кто у вас тут за старшего?

Сапожник, которого звали Васютой, переглянулся со сплетницей Аграфеной и лавочником Потапом. Васюта вытер нос рукавом, который был не чище самого тулупа, и сказал:

- Дык, это… Ваше благородие, мы тут все за старшего. По очереди.

- По очереди? - Тьмушкин поднял бровь, и от этого движения его и без того бледное лицо стало казаться высеченным из мрамора. - Это как же понимать? По очереди грехи записываете? По очереди людей совращаете?

- А зачем их совращать-то? - искренне удивилась Аграфена. Она даже всплеснула руками, и в ее глазах отразилось неподдельное недоумение. - Они сами, ваше благородие. Мы только так, рядом постоим. Иногда поддакнем. Иногда сплетню какую пустим, чтобы скучно не было. А так - они сами. Вот, к примеру, купчиха наша, Марфа Семеновна. Ей сорок лет, она мужа не любит, детей у нее нет. И что ей делать? Она с утра до вечера смотрит в окно и думает, что жизнь прошла мимо. Мы-то тут при чем? Мы ей даже не являемся. Мы, если хотите знать, вообще стараемся не показываться. Зачем людей пугать? Они сами себя пугают

так, что лучше и не придумаешь. Она сама себя съедает. Мы только сидим и смотрим. Иногда даже жалко ее становится. Да что толку жалеть-то?

Тьмушкин постучал карандашом по столу. Раз, другой, третий. Звук был сухой и резкий, как выстрел.

- Это не работа, - сказал он сухо, и в его голосе послышались металлические нотки, которые обычно заставляли подчиненных в Тьмутаракани падать в обморок. - Это халтура. Вы должны подталкивать. Вы должны создавать условия. Вы должны, в конце концов, вдохновлять на грех! А вы что делаете? Вы играете в дурака на щелбаны! Где ваши отчеты? Где ваши списки падших душ? Где ваши доносы?

Потап, толстый лавочник, виновато развел руками. Его сальная улыбка сползла с лица, обнажив кривые, желтые зубы.

- Так нету списков, Павел Иванович. Откуда им взяться? Мы, знаете ли, тоже не железные. Скучно тут. Вы посмотрите на этот город. Тут даже убийств настоящих не было лет двадцать. Последний раз, когда один мужик другого топором по голове стукнул, так это была случайность - они делили мешок с мукой. Оба пьяные были. И то - один выжил, а другой потом всю жизнь каялся. Ходил в церковь, свечки ставил, подаяние раздавал. Скука смертная, Павел Иванович. Мы от этой скуки сами скоро начнем в церковь ходить, лишь бы время убить. Вот Васюта уже подумывает пойти в монастырь послушником. Говорит, там кормят и работать не заставляют.

Васюта виновато опустил голову и шмыгнул носом.

Павел Иванович поморщился, как от зубной боли. Он ненавидел, когда подчиненные оправдывали свою лень обстоятельствами. Он ненавидел провинцию с ее сонным царством, где даже бесы превращались в обывателей. Он открыл свою «Ведомость», собираясь зачитать им цитату из инструкции о том, что для истинного искусителя не существует скучных мест, а существуют лишь недостаточно развитые фантазия и усердие. Но в этот момент к их столу подошел городничий.

Аристарх Флегонтович Сивухин был человеком плотным, с красным лицом, которое, казалось, никогда не бледнело, и пышными бакенбардами, которые он отращивал, чтобы казаться значительнее. Он не был злым. Он не был даже особенно жестоким. Он был просто трусливым и очень любил, когда всё было «как у людей»: взятки - так по чину, обеды - так с водкой, спокойствие - так абсолютное. В его представлении мир был устроен просто: есть начальство, которому надо угождать, есть подчиненные, которых можно бить, и есть обыватели, с которых можно брать. И если эта простая схема работала, то Сивухин считал себя хорошим человеком.

Увидев Тьмушкина, он сразу понял, что перед ним «столичная штучка». А столичные штучки всегда приезжают, чтобы найти в бумагах то, чего там нет, и содрать с городничего три шкуры. Сивухин мгновенно оценил потертый сюртук, чернильное пятно и скучающий вид незнакомца. «Мелкая сошка, - подумал он. - Но из столицы. Значит, может написать донос. Значит, надо задобрить».

- Милостивый государь, - сказал Сивухин, приподнимая шляпу и изображая на лице самую приветливую улыбку, на которую был способен его обрюзгший рот. - Позвольте представиться: городничий здешний, Сивухин Аристарх Флегонтович. А вы, смею спросить, по какой надобности к нам? Не по ревизии ли?

Тьмушкин оторвался от тетради и посмотрел на городничего долгим взглядом. В глазах Павла Ивановича не было ни злобы, ни коварства. В них была такая вековая, бездонная тоска, что Сивухину стало не по себе. Ему показалось, что этот человек знает о нем всё: и про украденные из казны деньги, которые он потратил на новый экипаж для жены, и про то, как он в прошлом году незаконно выпорол мещанина, потому что тот не снял шапку, и про то, как он боится своей жены, которая была вдвое умнее его и держала весь дом в кулаке.

- По ревизии, - подтвердил Тьмушкин. - Именно так, Аристарх Флегонтович. Прибыл проверить, как у вас тут обстоят дела с нравственностью.

- С нравственностью-с? - Сивухин облегченно вздохнул. Нравственность - это не финансы, тут можно было выкрутиться. - С нравственностью у нас, слава Богу, всё превосходно-с. Народ тихий, богобоязненный. В храмы ходим. Посты соблюдаем. Скотину не обижаем. Детишек почитаем.

Тьмушкин едва заметно усмехнулся. Он закрыл тетрадь и положил ее на стол, накрыв ладонью, как будто боялся, что она улетит.

- Посты соблюдаете. Это прекрасно. А скажите мне, Аристарх Флегонтович, почему у вас в городе мост через реку до сих пор не починен? В прошлом году, по моим сведениям, туда упал извозчик с лошадью. Лошадь утонула, а извозчик сломал ногу. И теперь он ходит с палкой и просит милостыню у церкви.

- Так это, ваше благородие, средства нужны-с, - залепетал Сивухин, и на его лице выступил холодный пот. - Казна пуста. Я писал губернатору, да ответа нет. А без средств мы не можем-с. Не на что гвоздей купить.

- А я слышал иную версию, - сказал Тьмушкин, заглядывая в свою тетрадь. Он знал, что там ничего про мост не написано, но он умел читать людей, как книги. Он видел их насквозь, как рентгеновский снимок. - Я слышал, что средства на мост были выделены еще в позапрошлом году. Но пошли они не на мост, а на новый экипаж для вашей супруги и на серебряный самовар. Это правда?

Сивухин побледнел так, что его красное лицо стало напоминать цветом старую бумагу. Он хотел что-то сказать, хотел возразить, хотел закричать, что это ложь, что его оклеветали, но слова застряли у него в горле. Он стоял, открывая и закрывая рот, как рыба, вытащенная на лед, и на лбу у него выступил пот, который он не вытирал, потому что руки тряслись. Он понял, что этот человек не просто знает о его грехах. Этот человек знает о них больше, чем он сам.

- А мост всё стоит, - продолжал Тьмушкин ровным голосом, в котором не было ни капли сочувствия. - И люди по нему ходят. Потому что через брод далеко. И каждый раз, когда они по нему идут, они думают: «Вот сейчас доски подломятся, и я упаду». И каждый раз они молятся и проклинают вас, Аристарх Флегонтович. Тихо, шепотом. Но проклинают. И вы думаете, это не грех? Вы думаете, что если вы украли деньги не на водку, а на самовар, то это уже и не воровство? Вы думаете, что если грех совершается тихо, в кабинете, за чаем, то он не считается?

Городничий понял, что этот человек не шутит. Он понял, что перед ним не просто ревизор, а кто-то такой, кто видит его насквозь, кто читает его душу, как открытую книгу. И в эту секунду Сивухин сделал то, что делали все городничие на Руси перед лицом неминуемой проверки: он предложил взятку. Это был рефлекс, выработанный годами. Это было единственное, что он умел делать хорошо.

- Ваше благородие, - зашептал он, наклоняясь к Тьмушкину так близко, что Павел Иванович почувствовал запах чеснока и вчерашней селедки. - Вы устали с дороги. Номера у нас в трактире грязные, клопы, да и только. Но я знаю один домик на выезде. Там тихо, уютно-с. И обед. Обед у меня сегодня знатный. Осетрина свежая, рябчики. И коньячок. Из самой Франции. Не извольте беспокоиться, всё за мой счет. Мы люди простые, но гостей умеем принимать.

Тьмушкин смотрел на городничего. Он мог бы сейчас сказать ему: «Я - бес, и мне не нужны твои рябчики». Он мог бы открыть ему глаза, напугать до полусмерти, забрать душу прямо здесь, на месте, написав его имя в «Ведомость» крупными буквами, поставив печать и отправив в архив. Но именно этого Павел Иванович не любил больше всего. Дешевые эффекты. Грубая работа. Он был профессионалом, а профессионалы не любят, когда их путают с шарлатанами.

- Хорошо, Аристарх Флегонтович, - сказал он. - Я пойду к вам на обед. Только вот что. Осетрину я люблю, а вот вранье - нет. Поэтому давайте договоримся сразу. Я не ищу у вас

воровства. Я ищу ваши души. И если я найду их пустыми, то никакой коньяк меня не развеселит.

Сивухин не понял ни слова из этой философии, но он понял главное: взятка принята. Он закивал головой, как китайский болванчик, и бросился отдавать распоряжения. Он кричал на кухарку, чтобы она достала лучшее вино, он кричал на кучера, чтобы тот подавал экипаж, он кричал на жену, чтобы она надела парадное платье.

А Тьмушкин, оставшись один за столом, посмотрел на трех бесов, которые снова начали играть в карты, и тяжело вздохнул. Он открыл свою «Ведомость грехов», посмотрел на чистые страницы и подумал о том, что еще ни один город не навевал на него такой тоски, как этот Мшаринск. Он закрыл тетрадь, убрал ее в портфель и застегнул медные замки.

«Ничего, - подумал он. - Я найду здесь то, что ищу. Я заставлю их всех заговорить. Я заставлю их всех сделать выбор. И тогда я посмотрю, такие ли они праведники, какими хотят казаться».

Он встал из-за стола и пошел к выходу, оставив на столе недопитый чай и трех бесов, которые снова начали ссориться из-за щелбанов.

Глава вторая. Испуг городничего

Дом Аристарха Флегонтовича Сивухина стоял на главной улице, сразу за каменным собором, и был выкрашен в тот бледно-желтый, канареечный цвет, которым в уездных городах обычно красят казенные здания, богадельни и дома людей, желающих показать свою значимость. Двухэтажный, с мезонином, с чугунным балконом и львами у входа, он должен был бы выглядеть величественно, но не выглядел. Львы были облезлые, с отбитыми носами и вытекшими глазами, и казалось, что они не охраняют дом, а молят о пощаде. Желтая краска облупилась, обнажив серую, прогнившую дранку, и дом производил впечатление человека, который надел на себя чужой, с барского плеча, сюртук, но забыл зашить дыры на локтях.

Экипаж, запряженный парой сытых, но ленивых лошадей, подкатил к крыльцу. Павел Иванович Тьмушкин вышел, опираясь на трость, и с минуту стоял, разглядывая фасад. Он не испытывал ни восхищения, ни презрения. Он просто отмечал детали, как отмечал бы их в анатомическом театре, препарируя труп. Этот дом был точной копией своего хозяина: попытка казаться чем-то значительным, скрывающая под собой пустоту и гниль.

На крыльцо выбежал сам Сивухин, уже успевший снять мокрую шинель и надеть парадный мундир с орденом, который он получил неизвестно за какие заслуги, а может быть, просто купил у заезжего торговца. Он кланялся так низко, что его бакенбарды почти касались ступенек, и суетился, как курица, которая вдруг обнаружила в своем гнезде не яйцо, а золотой самородок.

- Прошу, ваше благородие, прошу покорнейше! - лепетал он, указывая рукой на дверь. - Не побрезгуйте нашей скромной обителью. Мы люди простые, но гостям всегда рады.

- Скромность, Аристарх Флегонтович, - заметил Тьмушкин, поднимаясь по ступеням, - украшает человека только тогда, когда она искренняя. Когда же она напускная, она пахнет лицемерием. Ваш дом не скромен. Он просто стар. Это разные вещи.

Сивухин проглотил это замечание, не поняв его до конца, но на всякий случай еще раз поклонился. «Столичный, - подумал он с тоской. - Ох, столичный. Всё видит. Всё замечает. Пропал я, пропал».

Внутри дом был обставлен с той же претензией на роскошь, что и снаружи. Повсюду лежали ковры - не новые, потертые, с прожженными в нескольких местах дырами, - висели тяжелые портьеры, пахнувшие нафталином и мышами, и стояла мебель из красного дерева. В гостиной на стенах висели портреты каких-то важных господ в мундирах и дам в чепцах. Тьмушкин сразу понял, что это не предки Сивухина. Предки городничего были либо мужиками, либо купцами, и вряд ли они носили мундиры с золотым шитьем. Скорее всего, эти

портреты Сивухин купил по случаю, на распродаже имущества какого-нибудь разорившегося дворянина, чтобы создать видимость «благородного происхождения». В доме пахло кислыми щами, дорогим воском и той особой сыростью, которая не выветривается никакими духами.

В гостиной их встретила жена городничего - Аглая Тихоновна. Это была женщина лет сорока, с натянутой улыбкой и испуганными глазами, которые бегали из стороны в сторону, как две мыши, загнанные в угол. Она была одета в шелковое платье, явно сшитое не местной портнихой, и это платье сидело на ней так, как сидела бы сбруя на корове: дорого, но нелепо. Аглая Тихоновна была умнее своего мужа. Она знала, что они живут во лжи, что деньги, на которые куплен самовар и экипаж, украдены у сирот и вдов. Она знала, что ее дочь выросла дикаркой, читающей романы и мечтающей о побеге. Но она молчала. Молчала так долго, что уже не могла говорить. Ложь стала ее кожей.

- Аглая Тихоновна, - пробасил Сивухин, подталкивая жену вперед. - Прошу любить и жаловать. Наш столичный гость, Павел Иванович. Приехал с ревизией.

- Очень приятно, - сказала Аглая Тихоновна голосом, в котором не было ни капли приятного. Она сделала реверанс, который больше походил на судорогу. - Прошу к столу. У нас сегодня осетрина. Муж распорядился.

- Осетрина - это прекрасно, - сказал Тьмушкин, наблюдая за тем, как Аглая Тихоновна теребит кружевной платок в руках. - Но я, признаться, больше люблю простую, честную пищу. Щи. Кашу. Ржаной хлеб. В них нет притворства.

Аглая Тихоновна вздрогнула. Ей показалось, что он говорит не о еде. Она посмотрела на мужа, но тот не понял ничего, а только закивал головой, как болванчик:

- Так и мы люди простые! И щи у нас есть! И каша! Всё есть, ваше благородие. Всё для дорогих гостей.

Они прошли в столовую. Стол был накрыт на восемь персон, хотя гостей было только двое. Серебро, хрусталь, салфетки, сложенные в виде каких-то диковинных птиц, - всё это должно было бы говорить о богатстве и утонченном вкусе. Но Тьмушкин видел, что вилки и ложки были разных наборов, что на хрустальном графине не хватало пробки, а салфетки были сшиты из старой, распоротой простыни и выкрашены в синий цвет, чтобы никто не догадался об их происхождении. Вся эта роскошь была фасадом, за которым скрывалась та же нищета, что и в трактире, только прикрытая позолотой.

- А где же ваша дочь? - спросил Тьмушкин, садясь за стол и разворачивая салфетку. - Я видел ее в дверях. Милое создание. Бледное. С книжкой в руках.

Сивухин поморщился, как от зубной боли.

- Лизавета? - сказал он с неудовольствием. - Так она это… Стесняется. Дикая она у нас. Всё в книгах своих сидит. Всё мечтает о чем-то. Я ей говорю: «Лиза, ну куда тебе в столицу? Там же разврат один. Там же люди злые». А она не слушает. Упрямая, вся в мать.

- Упрямство - это не порок, - сказал Тьмушкин, принимая из рук Аглаи Тихоновны тарелку с дымящейся ухой. - Упрямство - это просто сила, которую некуда девать. Если ее направить в правильное русло, она может свернуть горы. А если оставить без внимания, она свернет шею своему обладателю. Позовите ее, Аристарх Флегонтович. Мне было бы приятно видеть за столом всю семью.

Сивухин заерзал на стуле. Он явно не хотел, чтобы дочь присутствовала при разговоре, но ослушаться «столичного гостя» не мог. Он махнул рукой горничной, и через минуту в дверях появилась Лиза.

Это была девушка лет шестнадцати, с бледным, почти прозрачным лицом и огромными, испуганными глазами, в которых светилась не столько робость, сколько затаенная, отчаянная мечтательность. На ней было простенькое ситцевое платье, и она держала в руках книгу - потрепанный томик с обложкой, на которой Тьмушкин разглядел название: «Страдания юного Вертера». Она остановилась в дверях, не решаясь войти, и смотрела на отца с той смесью страха и

презрения, с какой дети смотрят на родителей, которые перестали быть для них авторитетом, но все еще имеют над ними власть.

- Здравствуйте, - сказала она тихо.

- Здравствуйте, барышня, - сказал Тьмушкин, вставая и слегка кланяясь. - Я слышал, вы любите читать. Что же вам нравится? Гёте? Шиллер? Руссо?

Лиза удивленно посмотрела на него. В этом городе никто, кроме старого учителя словесности, который спился и умер два года назад, не спрашивал ее о книгах. Отец считал чтение баловством, мать - пустой тратой времени. А этот странный гость, с чернильным пятном на рукаве, смотрел на нее с живым, неподдельным интересом.

- Гёте, - сказала она, осмелев. - И еще Лермонтов. «Герой нашего времени». Я перечитываю его каждый год. Мне кажется, что Печорин - это не злодей, а просто несчастный человек, который не нашел своего места в мире.

- А разве можно найти свое место в мире, где все лгут? - спросил Тьмушкин, садясь обратно и жестом приглашая ее за стол. - Где отец крадет, мать молчит, а люди в церкви молятся о богатстве, а не о спасении души?

Сивухин поперхнулся ухой. Аглая Тихоновна выронила ложку, и та со звоном упала на пол. Лиза вздрогнула и посмотрела на отца, потом на мать, потом снова на Тьмушкина. Ее бледное лицо залилось краской.

- Я не понимаю, о чем вы, - прошептала она.

- Понимаете, - сказал Тьмушкин мягко, почти нежно, и в его голосе вдруг зазвучали ноты, которые заставили Лизу замереть. - Вы всё прекрасно понимаете. Вы сидите у себя в комнате, смотрите в окно и мечтаете о том, чтобы приехал прекрасный принц и увез вас из этого болота. Вы читаете романы и думаете, что где-то там, в столице, есть другая жизнь. Но вы ошибаетесь. В столице то же самое болото, только больше и глубже. И принцы там такие же. Единственное отличие - там люди умеют лучше притворяться.

- Ваше благородие! - воскликнул Сивухин, багровея. - Позвольте! При чем тут моя дочь? Она девушка юная, невинная. Зачем вы ей голову забиваете? Пусть читает свои книжки, если ей нравится. Вреда от этого нет.

- Вреда нет, - согласился Тьмушкин. - А пользы еще меньше. Потому что книга, если она не заставляет человека задуматься о своей жизни, а только уводит его в мир иллюзий, - это не книга, а наркотик. Это как водка, только для ума. Вы, Аристарх Флегонтович, не хотите видеть, что ваша дочь несчастна. Вы закрываете глаза и делаете вид, что всё хорошо. Вы ведь и мост не чините по той же причине. Вам удобнее думать, что его не существует.

Столовая погрузилась в гробовую тишину. Было слышно, как в сенях капает вода с мокрой одежды лакея, как скрипят половицы, как тяжело дышит Аглая Тихоновна. Лиза смотрела на Тьмушкина, и в ее глазах был не страх, а какое-то странное, почти болезненное восхищение. Словно она впервые в жизни встретила человека, который говорил с ней не как с ребенком, а как со взрослой.

Сивухин отложил ложку. Его лицо из багрового стало пепельным. Он понял, что этот обед превращается в допрос, и что скрываться дальше бессмысленно. Он вдруг с ужасом осознал, что этот человек, Тьмушкин, знает о нем всё. И больше того - он знает о нем то, чего сам Сивухин боялся признать даже самому себе. Он подумал о том, что, может быть, этот ревизор - не просто ревизор. Может быть, он - кто-то из Третьего отделения, или того хуже. И от этой мысли ему стало так страшно, что он решил пойти ва-банк.

- Павел Иванович, - сказал он, и голос его дрогнул. - Вы человек умный. Вы всё видите. Вы всё понимаете. Я не буду с вами лукавить. Да, мост не починен. Да, деньги ушли на другое. Но вы же понимаете, как живут в провинции? Жалованье маленькое. Семью кормить надо. Жену одеть надо. Дочь замуж выдать надо. А тут еще эти бумаги, проверки, комиссии… Я не вор. Я просто… выживаю. Я делаю то, что делают все. И если я не буду брать, то меня же

первого и выгонят. Потому что все берут, а кто не берет - тот белая ворона. Скажите мне: разве я виноват, что родился в этом городе и должен жить по его законам?

Он говорил быстро, сбивчиво, и в его голосе слышалась не наглость, а мольба. Он оправдывался, как школьник, пойманный за подглядыванием в замочную скважину, и это было унизительно и жалко.

Тьмушкин выслушал его молча. Он не перебивал, не насмехался. Он просто смотрел на него, как смотрят на больного, который рассказывает о своих симптомах. Когда Сивухин закончил, он помолчал еще с минуту, а потом сказал:

- Вы правы, Аристарх Флегонтович. Вы не вор. Вы хуже. Вор знает, что он вор. Он прячется, боится, но знает. А вы - вы не знаете. Вы оправдали себя. Вы построили себе уютную клетку, в которой всё понятно и всё удобно. И в этой клетке вы научились жить. Вы научились не замечать, как люди страдают. Вы научились не слышать, как ваша дочь плачет по ночам. Вы научились не чувствовать, как гниет ваша собственная душа. И вот это - самое страшное. Не воровство. Не мост. А то, что вы перестали быть человеком. Вы стали функцией. Вы стали городничим, но перестали быть мужчиной, отцом, христианином. Вы превратились в винтик в этом огромном, ржавом механизме, который называется Мшаринск. И вы знаете что? Этот механизм работает только потому, что все в нем такие же винтики. Все молчат. Все терпят. Все делают вид, что живут.

Аглая Тихоновна вдруг всхлипнула. Она закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись. Сивухин посмотрел на нее, потом на дочь, потом снова на Тьмушкина. Он не понимал, к чему ведет этот разговор. В его картине мира ревизор должен был либо взять взятку и уехать, либо составить протокол и уехать. Но этот человек не делал ни того, ни другого. Он просто сидел за столом, как судья, и выносил приговор, который не имел отношения к законам Российской империи.

- Что же мне делать? - прошептал Сивухин. - Скажите, если вы такой умный. Что мне делать?

- Для начала - перестать врать, - сказал Тьмушкин. - Хотя бы самому себе. А потом… Потом можно попробовать починить мост. Не для того, чтобы кто-то узнал. А для того, чтобы вы могли смотреть в глаза людям, которые по нему ходят.

Он отодвинул тарелку и встал из-за стола. Обед был закончен. Осетрина, рябчики, французский коньяк - всё это осталось на столе, нетронутое, забытое. Атмосфера в комнате была такая тяжелая, что, казалось, еще немного - и с потолка начнет капать вода.

- Я переночую в трактире, - сказал Тьмушкин, направляясь к выходу. - Не беспокойтесь, Аристарх Флегонтович. Я не стану писать донос. Мне это не нужно. Мне нужно другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.